

ВСТУПЛЕНИЕ

Это повествование в большей мере, чем все другие произведения уэссекского цикла, опирается на свидетельства современников — как письменные, так и устные. В ходе его развития воспроизведены без прикрас почти исключительно подлинные события тех лет, сохранившиеся в памяти очевидцев-старожилов, ныне уже усопших, но хорошо знакомых автору в дни его детства. Если бы эти воспоминания были использованы полностью, они составили бы книгу, втрое более объемистую, нежели история «Старшего трубача драгунского полка».

До середины нынешнего столетия и даже несколько позднее в местностях, более или менее отчетливо обозначенных в повествовании, не было недостатка в различного рода напоминаниях о тех событиях, на фоне которых оно протекает, — я имею в виду наши приготовления к обороне перед угрозой вторжения в Англию Бонапарта. Изрешеченная пулями дверь сарая, превращенная каким-нибудь одиноким воякой в импровизированную мишень для упражнения по стрельбе в цель из кремневого ружья в дни, когда с часу на час ожидалась высадка на наших берегах чужеземных войск; груда кирпичей и комья глины на вершине холма — остатки очага и стен глинобитной хижины, жилища смотрителя маяка; изъеденные червем дровки и металлические наконечники пик — доспехи тех, кому не досталось лучших; земляные насыпи на холмах, еще сохранившиеся от лагерных укреплений; части военного обмундирования ополченцев и прочие пережившие свое время реликвии столь живо возрождали в моем детском воображении перипетии военных лет, что никакие многотомные исторические фолианты не могли бы их заменить.

Тот, кто когда-либо пытался сложить в связное повествование отрывочные сообщения очевидцев, знает, как трудно восстановить истинную последовательность событий по таким случайным свидетельствам. Газеты того времени оказывают в этом случае неоценимую услугу. Для успокоения тех, кто любит правду без вымысла, я хочу еще упомянуть, что «Обращение ко всем англичанам без различия положения и звания» было, наряду с прочими использованными мною документами, скопировано с оригинала, хранящегося в местном музее, а карикатурный портрет Наполеона можно обнаружить и сейчас в виде печатного оттиска в доме одной старой женщины, проживающей неподалеку от Оверкомба; некоторые же подробности времяпрепровождения короля во время его пребывания на излюбленном им курорте подтверждаются письменными свидетельствами тех лет. Сцена обучения новобранцев местного ополчения получила кое-какие дополнения в соответствии с сообщением, извлеченным мною из столь солидного труда, как «История войн эпохи французской революции» Гиффорда (Лондон, 1817). Однако, обратившись к этому историческому труду, я впал в ошибку, ибо предположил, что упомянутое сообщение претендует на достоверность или имеет какое-либо отношение к сельским местностям Англии. Тем не менее оно вполне в духе тех традиций, которые нашли свое отражение в подобного рода сценах, а их описания мне доводилось слышать неисчислимое количество раз; к тому же вся система обучения ополченцев была проверена мною по Военному уставу 1801 года и другим специальным военным справочникам. Что же касается предполагаемой высадки в нашей бухте французов, то, как уже упоминалось выше, здесь я основывался почти целиком на устных рассказах очевидцев. Других подтверждений достоверности изложенных в этой хронике событий память мне не сохранила.

Т. Г.

Октябрь, 1895 г.

Глава 1

ЧТО МОЖНО БЫЛО НАБЛЮДАТЬ ИЗ ОКНА, ВЫХОДИВШЕГО В ДОЛИНУ

В те дни, когда женщины носили муслиновые платья с высокой талией, а великое множество лиц военного звания, наводнявших грады и веси, служили причиной немалых треволнений среди представительниц прекрасного пола, в одной из приморских деревень Уэссекса проживали две дамы, обладавшие самой безупречной репутацией, но весьма ограниченными, как это ни прискорбно, средствами. Старшая из них была миссис Марта Гарленд — вдова художника-пейзажиста, вторая — ее единственная дочь Энн.

Энн была златокудра, златокудра в самом высоком, поэтическом смысле этого понятия, но цвет лица у нее был того неуловимого оттенка — более смуглого, нежели у блондинок, и более светлого, нежели у брюнеток, — для которого, к великому нашему затруднению, еще не придумано названия. Глаза ее смотрели открыто и пытливо, линия рта была безупречна, хотя ее и нельзя было назвать классической, верхняя губка едва-едва достигала требуемой длины и при самомалейшей приятной мысли, не говоря уже об улыбке, вольно или невольно обнажала краешек двух-трех белоснежных зубов. Кое-кто находил это весьма привлекательным. Энн была стройна и грациозна, и при невысоком росте — чуть больше пяти футов — благодаря своей осанке умела казаться высокой. Во всех ее движениях, манерах и повадке, в том, как она говорила: «Я пойду туда», — или: «Я сделаю это», — было столько достоинства в сочетании с мягкой женственностью, что ни одна девушка не могла

бы с ней тут потягаться, а любой впечатлительный юнец, случайно попадавший в ее общество, испытывал неодолимое желание услышать от нее хоть словцо и вместе с тем отчетливо сознавал, что ему этого не добиться. Словом, под очаровательной непосредственностью и простодушием этой молодой особы угадывалась неприметная на первый взгляд твердость характера, подобно тому как в сердцевине самого скромного полевого цветка, скрытые от глаз, золотятся тычинки. Свою белую шейку Энн прикрывала белым платком, а голову — шляпкой с розовой лентой, завязанной бантом под подбородком. Лент этих у нее было несметное количество: молодым людям чрезвычайно нравилось посылать ей их в виде презента до тех пор, пока каждый из них не находил себе подружки по сердцу где-нибудь в другом месте, после чего презенты прекращались. На лбу из-под шляпки — словно ласточкино гнездо из-под застрехи — выглядывал ряд золотистых завитков.

Энн со своей овдовевшей матерью занимала часть старинного усадебного здания — бывшего господского дома, превращенного ныне в мельницу: мельник, находя помещение слишком просторным для своих собственных нужд, почел возможным разделить его на две половины и сдать одну из них сим весьма почтенным постояльцам. В этом жилище слух миссис Гарленд и Энн денно и ночью услаждала музыка мельничных колес, которые, будучи сделаны из дерева, должны были хотя бы отдаленно напоминать приглушенные регистры органа. Временами, когда на мельнице начинал работать грохот, к этим привычным звукам присоединялось веселое постукивание, которое не слишком нарушало покой постояльцев, если, конечно, не длилось до рассвета. А в добавление ко всему дамы имели удовольствие замечать, что через каждую щель, дверь или окно, как бы плотно их ни законопачивать, к ним в жилище из мукомольни заползает легкий туман тончайшей мучной пыли, совершенно неуловимый для глаз, но с течением времени наглядно заявлявший о своем присутствии сероватым налетом, придававшим призрачный вид самой первосортной

мебели. Мельник не раз приносил своим постояльцам извинения за непрошеное вторжение этого коварного сухого тумана, но вдова, будучи нрава приятного и дружелюбного, отвечала, что туман этот ей нисколько не мешает, ибо это не гадкая грязь, а пыль от благословенных злаков господних.

Проявлением такого рода доброты и великодушия и разными иными путями миссис Гарленд завоевала расположение мельника, и мало-помалу между соседями укрепилась такая дружба, о которой вдова и не помышляла, когда, соблазнившись дешевой платой, перебралась после смерти супруга на мельницу из более просторного дома на другом краю деревни. Те, кому доводилось жить в глухих углах, где, что называется, «нет общества», знают, как могут постепенно рушиться социальные перегородки, — процесс, который в описываемом случае происходил за счет некоторого опрощения одного из семейств. Вдова иной раз огорчалась, видя, с какой легкостью Энн перенимала простонародный говор и словечки у мельника и его приятелей, однако мельник был так добр и простосердечен, а вдова так покладиста и не тщеславна, что она не захотела быть слишком разборчивой, дабы не оказаться в положении затворницы. К тому же у нее имелись довольно веские основания полагать, что мельник к ней втайне неравнодушен, и это придавало ситуации известную пикантность.

Как-то прекрасным летним утром, когда листву уже пригрели солнечные лучи, а наиболее прилежные пчелы устремились в луга и сады, ныряя в каждую голубую или красную чашечку, которую можно было принять за цветок, Энн на своей половине сидела у окна, выходящего на задний двор, и отматывала шерсть для мохнатого коврика с бахромой; она вязала его уже не первый день, и, на три четверти готовый, он лежал у ее ног. Работа эта, хотя и замысловатая, была скучна; каминный коврик — вещь, над которой никто не трудится от зари до зари: за него берутся и его откладывают; он лежит то на стуле, то на полу, то свешивается с перил лестницы, то выглядывает из-под кровати; его

запихивают то туда, то сюда, прячут, скатав, в чулан и снова извлекают на свет божий, и так далее в таком же духе, обращаясь с ним с большей бесцеремонностью, чем, пожалуй, с любым другим предметом домашнего обихода. Никто никогда не предполагает, что каминный коврик можно закончить к какому-то определенному сроку, и шерстяные нитки, употребленные вначале, блекнут и приобретают доисторический вид, прежде чем работа бывает доведена до конца. И не столько лень, сколько сознание особенностей, присущих этому домашнему рукоделию, заставляли Энн то и дело поглядывать в растворенное окно.

Прямо перед ее взором простиралась широкая гладь мельничного пруда, полноводная, вторгавшаяся в пределы живой изгороди и дороги. Вода с плавающими на ней листьями и пузырьками пены неудержимо, как время, убегала под темный свод, чтобы обрушиться там на огромное скользкое колесо. Местность по ту сторону запруды называлась «Развилок» и на три четверти соответствовала этому наименованию, так как здесь сходились два проселка и тропа, по которой гоняли скот. Это было местом всех свиданий и ареной наиболее интересных событий для жителей близлежащей деревеньки. За ним прямо к небу вздымался крутой уступ, переходивший в просторное плато, где сейчас паслось довольно много только что остриженных овец. Высокое нагорье защищало мельницу и деревеньку от северных ветров, превращая весну в лето, умеряя зимнюю стужу, смягчая осеннюю прохладу и позволяя миртам цвести под открытым небом.

Все утопало в полуденном зное, даже овцы перестали пощипывать траву. Развилок в этот час был безлюден: немногочисленное население деревни обедало. На плато тоже не было ни единого человеческого существа, и, если не считать Энн, оно в эту минуту не привлекало к себе ничей взор и ничье внимание. Только пчелы трудились по-прежнему да бабочки не переставая порхали взад и вперед, словно их ничтожная величина служила им спасением от того губительного воздействия, которое этот поворотный час дня оказы-

вал на живые существа более крупных размеров. Все остальное оцепенело в неподвижности.

Энн без всякой особой причины поглядывала на плато и на овец. Крутой, усеянный маргаритками склон нагорья, поднимавшийся над кровлями, печными трубами, верхушками яблонь и деревенской колокольной, ограничивал поле ее зрения, а отрываясь от работы, нужно же куда-нибудь смотреть. И вот когда она то трудилась, то бросала взгляд в окно, ее внимание привлекли к себе отдохавшие на плато овцы: внезапно вскочив, они бросились врассыпную, а с покинутого ими плато донесся тяжелый, сопровождаемый металлическим звоном топот копыт о твердую землю. Устремив взгляд еще дальше, Энн увидела, что по левому, более пологому склону нагорья взбираются два кавалериста — оба в полном вооружении, оба на широкогрудых серых конях. Начищенные до блеска уздечки, бляшки и прочие металлические части сбруи сверкали в лучах солнца как маленькие зеркальца, а все то синее, красное, белое, во что были облачены всадники, еще не потускнело от времени или непогоды.

Оба всадника столь горделиво поднимались по склону, словно ничто менее значительное, нежели интересы корон и тронов, никогда не занимало их возвышенных умов. Достигнув той части плато, которая находилась как раз напротив окошка Энн, всадники остановились. И тотчас же следом за ними показалось еще с полдюжины почти таких же точно всадников. Они тоже поднялись на плато, осадили коней и спешились.

Затем двое военных прошли немного вперед, после чего один остановился, а другой зашагал дальше, причем за ним тащилась белая тесьма рулетки. Еще двое направились куда-то в сторону и стали делать какие-то отметки на земле. Так они расхаживали по плато и что-то отмеряли, несомненно преследуя какую-то ранее намеченную цель.

В завершение всех этих продуманных действий какой-то всадник — офицер, насколько возможно было, учитывая дальность расстояния, судить по его мундиру, — поднялся

на плато, объехал его, поглядел на то, что проделали остальные, и, как видно, остался доволен. Тут до слуха Энн долетел еще более громкий топот и звон, и она увидела, что на плато тем же путем походным маршем поднимается целая колонна всадников. А за ней, сверкая оружием и амуницией, выступают из облаков пыли все новые и новые колонны войск, и за пылевой завесой вспыхивают на солнце то огненные звездочки, то змейки, и все это войско медленно направляется к плато.

Энн отбросила работу и, не сводя глаз с приближающейся кавалерии и не обращая внимания на перепутавшуюся шерсть, позвала:

— Маменька, маменька, подите-ка сюда! Какое красивое зрелище! Что тут происходит? Для чего понадобилось им взбираться туда, наверх?

Мать, привлеченная этими возгласами, взбежала по лестнице и подошла к окну. Это была женщина приятной наружности, простая в обращении, с открытым взглядом и веселой улыбкой; рядом с Энн цвет лица вдовы казался чуть поблекшим, но изяществом фигуры она не уступала дочери.

Мысли вдовы Гарленд находились в полном соответствии с эпохой, в которую она жила.

— Неужто французы? — проговорила она, уже готовая изобразить крайнюю степень испуга. — Неужто этот враг рода человеческого высадился на нашу землю?

Надобно заметить, что в описываемый момент на земле существовало два врага рода человеческого: Сатана, как во все времена, и Буонапарте, который возник внезапно и значительно позже, но начисто затмил своего соперника. Слова миссис Гарленд относились, разумеется, к младшему из джентльменов.

— Этого не может быть, это не он, — заявила Энн. — А, вон идет Симон Берден, смотритель маяка. Он, верно, знает!

И она замахала рукой престарелому созданию, только что появившемуся на дороге, огибающей мельничную заправку, и почти столь же тусклому, как эта дорога, по кото-

рой оно довольно бодро продвигалось вперед, невзирая на то, что согнутая в три погибели спина его, казалось, служила живым укором любому обладателю нормального позвоночника. Появление солдат извлекло его из паба «Герцог Йоркский» и оторвало от кружки пива, совершенно так же как Энн — от ее коврика. Заметив, что его подзывают, старик пересек запруду и направился к окну.

Энн пожелала узнать, что такое происходит на плато, однако Симон Берден ничего не ответил и продолжал двигаться в прежнем направлении, разинув рот и по собственному почину тараща глаза на кавалерию, как это часто бывает с людьми при виде преходящих явлений, которые могут, хотя и на краткий срок, отразиться на их судьбе.

— Вы сейчас свалитесь в пруд! — воскликнула Энн. — Что они там делают? Вы же когда-то сами были солдатом и должны знать.

— Не спрашивайте меня, мисс Энн, — отвечал этот обломок военной славы, приваливаясь к стене дома то одним боком, то другим. — Я, вы знаете, был только в пехоте и не больно-то разбираюсь в кавалерии. Да куда уж мне, старику, что я теперь смыслю.

Однако дальнейший энергичный нажим заставил его порыться в запасе своих изъеденных молью воспоминаний и извлечь оттуда кое-какие смутные обрывки малонадежных сведений. Солдаты, как видно, раскинули здесь лагерь. Те, что пришли раньше других, — это, верно, топографы. Они прибыли первыми, чтобы измерить площадку. А тот, что с ними, — это, видать, квартирмейстер.

— И вот, глядите, полк подошел, а у них уже все готово, — добавил старик. — А потом они... Ну и дела! Кто бы мог подумать, что наш Оверкомб доживет до этакого дня!

— А что потом?

— А потом... О чем это я... Ну вот, вылетело из головы, — вздохнул Симон. — Ах да! Потом они поставят, понимаете ли, палатки и стреножат лошадей. Да-да, так. Правильно.

Тем временем колонна походным порядком уже поднялась на холм, являя взору весьма живописное зрелище на

этом возвышенном месте, на фоне бледно-голубого неба, под теплым солнцем. Белые лосины, высокие сапоги, блестящие кивера, отделанные галуном, — форма всадников была яркой и красивой... Да к тому же еще усики, нафабранные так, что кончики их торчали острые, как иголки... Но, конечно, особенно великолепны были прославленные синие ментики, накинутые на одно плечо, неотразимые для женщин и чрезвычайно неудобные для их обладателей.

— Так это же йоркские гусары! — воскликнул Симон Берден, оживая, словно тлеющий уголек под дуновением ветерка. — Все как есть чужеземцы, и все призывались, когда я уже отслужил. Однако, говорят, это самые славные ребята во всей королевской армии.

— А вон еще... это какие-то другие, — сказала миссис Гарленд.

Новые колонны войск уже миновали дальний холм и теперь подходили ближе. Новоприбывшие отличались сложением от предыдущих: были легче, стройнее, в касках с белыми перьями.

— Не знаю, право, какие мне больше нравятся, — сказала Энн. — Пожалуй, все же эти.

Симон, напряженно вглядывавшийся в последнюю колонну, заявил вдруг, что это... драгуны.

— Англичане — все до единого, — продолжал старик. — Года два-три назад они стояли в бедмутских казармах.

— Верно. Я тоже помню, — сказала миссис Гарленд.

— И у нас тут много парней записалось тогда в армию, — сказал Симон. — Помнится, был тут... О чем это я... Ну, вот опять вылетело... Впрочем, оно и не важно...

Драгуны так же, как и прочие, продефилировали на виду у наших наблюдателей, и их веселые плюмажи, лениво ниспадавшие при подъеме на взгорье, достигнув плато, все, как один, распластались в воздухе кончиками к северу, свидетельствуя о том, что на возвышенности дул свежий ветерок.

— Поглядите-ка туда, — сказала Энн.

Несколько батальонов пехоты в белых кашемировых штанах и обмотках взбиралось на холм с противополож-

ной стороны. Вид у пехотинцев был усталый, как после большого перехода, черные башмаки и обмотки стали бурыми от пыли. А за пехотой показались уже и войсковые обозы с конвоирами и — позади всех — тележки марки-танток.

На берегу перед мельничной запрудой собралось теперь почти все население деревни: сбежалось из домов в тревоге и застряло здесь для собственного удовольствия; горящими от любопытства глазами все наблюдали за происходящим на плато. Ведь если для города мундиры, плюмажи, кони и всадники — просто развлечение, то для деревни — это уже нечто из ряда вон выходящее.

Всадники построились, спешились, быстро освободились от своего походного снаряжения, расседлали и стреножили коней и уже готовы были поставить палатки, лишь только их можно будет снять с обозов и доставить на место. И вот прозвучал сигнал, и полотнища палаток поднялись над землей, и каждому воину было уже где приклонить голову.

Хотя с первого взгляда и могло показаться, что за прибытием войска наблюдают только те, что столпились у окна да собрались на улице, однако в действительности множество глаз было приковано к происходящему на возвышенности, не говоря уже о глазах многочисленных птиц и прочих обитателей лесов и полей. Мужчины на огородах, женщины в садах или на пороге своих домиков, пастухи на отдаленных пастбищах, батраки на голубовато-зеленых плантациях турнепса где-то там, за несколько миль от холма, капитаны с подзорной трубой на своих судах — все с острым интересом созерцали эту картину. Три-четыре тысячи солдат, действующих как один огромный механизм: одни головорезы по натуре, другие, несомненно, более склонные к спокойной сидячей жизни и нежданно-негаданно облачившиеся в мундиры, — явились вдруг невесть откуда, возбуждая огромное любопытство. Они казались существами какого-то иного порядка, совершенно непохожими на жителей долины. Обосновываясь на жительство на облюбован-